

УДК 316
DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.9

**«КУЛЬТУРА ИМЕЕТ
ЗНАЧЕНИЕ?» СЕМЕЙНЫЕ
И ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ
РУССКИХ И ТАТАР
БАШКОРТОСТАНА¹**

**Габдрахманова Гульнара
Фаатовна**

Доктор социологических наук, доцент,
заведующая отделом
этнологических исследований,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Россия,
e-mail: medi54375@mail.ru

Макарова Гузель Ильясовна

Доктор социологических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
отдел этнологических исследований,
Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Россия,
e-mail: makarova_guzel@mail.ru

**“CULTURE MATTERS?”
FAMILY AND LABOR VALUES
OF RUSSIANS
AND TATARS
OF BASHKORTOSTAN**

Gul'nara F. Gabdrakhmanova

Doctor of Sociological Sciences, Associate
Professor, Chief of the Department
for Ethnological Research,
Sh. Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia,
e-mail: medi54375@mail.ru

Guzel' I. Makarova

Doctor of Sociological Sciences, Associate
Professor, Chief Researcher
of the Department for Ethnological Research,
Sh. Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia,
e-mail: makarova_guzel@mail.ru

¹ Проект реализован в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)». Участники: Г.Ф. Габдрахманова (рук.), Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова.

В условиях современных глобальных вызовов вопрос о значении культуры в экономическом развитии приобретает для России новое звучание. Несмотря на многочисленность работ, связанных с постановкой вопроса о влиянии социокультурных ценностей на экономическое поведение, эмпирические исследования этнического аспекта проблематики единичны. В данной статье ставится задача выделения общего и особенного в содержании ориентаций на семью и труд русских и татар Башкортостана, а также проявлений этих ориентаций в их повседневных практиках в контексте проблем модернизации российского общества. Она основывается на текстах глубинных интервью в семьях представителей обозначенных этнических групп, которые строились вокруг следующих тем: биографические данные, род занятий членов семьи; иерархия ценностей; внутрисемейные статусы и взаимоотношения; трудовые ценностные ориентации; оценка материального положения и действия по его улучшению, отношение к богатству; планирование жизни.

Исследование обнаружило следующее.

1. Для татар семья выступает ведущей ценностью и определяет многие другие стороны жизнедеятельности. Она выстраивается на четких нормах и принципах, концентрируясь вокруг решения повседневных, прежде всего хозяйственных, задач.
2. У татар меньше поколенческих различий. Они ориентированы на широкие родственные связи и дополнительные формы заработка (в том числе на малое предпринимательство), что служит для них эффективным механизмом экономической адаптации.
3. В иерархии ценностей русских семья также занимает приоритетное место. Однако самостоятельное значение имеют саморазвитие, карьера, дружеские привязанности, увлечения. Для них характерны различия в матрице ценностей разных поколений и меньшая регламентированность семейных отношений, их выстраивание вокруг единства духовных интересов.

Under the conditions of modern global challenges, the question of the importance of culture in economic development is acquiring a new meaning for Russia. Despite the large number of works related to the question of the impact of sociocultural values on economic behavior, empirical studies of the ethnic aspect of the problems are rare. This article sets out the task of identifying the general and particular content orientation of the family and work of Russians and Tatars in Bashkortostan, as well as the manifestations of these orientations in their daily practices in the context of the problems of modernization of Russian society. It is based on texts of in-depth interviews in the families of representatives of designated ethnic groups, which were built around the following topics: biographical data, occupation of family members; hierarchy of values; intra-family statuses and relationships; labor value orientations; assessment of the financial situation and actions for its improvement, attitude towards wealth; life planning.

The study found the following.

1. For Tatars, the family is the leading value and determines many other aspects of life. It is built on clear norms and principles, concentrating around solving everyday, primarily economic tasks.
2. Tatars have fewer generational differences. They are focused on broad kinship and additional forms of earnings (including small business), which is an effective mechanism for economic adaptation for them.
3. The family also occupies a priority place in the hierarchy of Russian values. However, self-development, career, friendships and hobbies are of independent importance. They are characterized by differences in the matrix of values of different generations and less regulated family relationships, their alignment around the unity of spiritual interests.
4. In the labor practices of Russians, this is reflected in the greater importance of self-actualization and, to a lesser extent, in maintaining the well-being of the family. In this regard, they are rather focused on success in the framework of the main profession and on large-scale projects.

4. В трудовых практиках русских обозначенное выражается в большей значимости самоактуализации и в меньшей – поддержания благосостояния семьи. В связи с этим они скорее ориентированы на успех в рамках основной профессии и на масштабные проекты.

Проведение аналогичных исследований в других регионах России позволит в дальнейшем сравнить полученные результаты и подтвердить либо опровергнуть выявленные тенденции.

Ключевые слова: семейные и трудовые ценности; повседневные практики; модернизация; русские; татары; Республика Башкортостан.

Conducting similar studies in other regions of Russia will further compare the results obtained in them and confirm or refute the identified trends.

Keywords: family and labor values; daily practices; modernization; Russians; Tatars; Republic of Bashkortostan.

Появившаяся в конце 1990-х гг. книга «Культура имеет значение...» (Харрисон, 2002) вызвала большой резонанс в мировой науке. Ее вывод о движущей силе культуры в экономическом развитии социума стал предметом многочисленных дискуссий. В условиях современных глобальных вызовов он приобретает новое звучание для России в связи с необходимостью ее ускоренной модернизации, на которую указывает президент РФ В.В. Путин¹. В связи с этнической неоднородностью нашей страны значим учет как общих для всех членов общества социокультурных ценностей, так и специфичных для различных в этнокультурном плане групп.

Массовые опросы россиян показывают, что важнейшими в системе базовых ценностей являются семья и труд (работа) (Лапин, 2009. С. 90; Магун, 1996. С. 51; Шкаратан, 2002). И это характерно для всех народов страны (Дробижева, 2014. С. 14). Они выступают основой двух взаимосвязанных сторон жизнедеятельности людей, обуславливая их экономическое поведение (на котором сказываются также установки социальных субъектов на продвижение, карьеру, отношение к богатству и др.). Имеющиеся работы не раскрывают, однако, взаимодействие обозначенных ценностей, как и специфику их проявлений в повседневности представителей различных этнических групп.

В своем исследовании мы исходили из гипотезы о том, что ценностная связь труда и семьи сохраняет значение в современном обществе. Мы предполагали также, что в их содержательном наполнении у

¹ См.: Послание Президента Федеральному Собранию // События. 2018. 1 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

народов России много общего и это определяет характер модернизации страны. В то же время в отдельных сегментах ценностного поля работают различные этнокультурные модели, формирующие отличающиеся установки и стратегии поведения этнических групп.

Цель статьи – раскрыть, учитывая поколенческую и поселенческую (город – село) специфику, общее и особенное в содержании ориентаций на семью и труд русских и татар Башкортостана, а также в проявлении этих ориентаций в их практиках. Исследуемый кейс интересен равносоставленным положением в регионе представителей этих двух групп (в отличие от башкир, давших ему название), а также тем, что их доли в общей численности населения республики несильно различаются: русские составляют здесь (согласно Всероссийской переписи населения 2010 г.) 36 %, татары – 25,4. Схожи и показатели их урбанизации, социально-отраслевой и профессиональной структуры. Это позволяет сосредоточиться на этнокультурных факторах, сказывающихся на ценностях и поведении.

Понятийное поле и опыт исследования проблемы

В понимании ценностей мы опираемся на концепцию М. Вебера, использовавшего данный термин для раскрытия механизмов культурной детерминации социального действия. Воплощая направленность и содержание той или иной культуры, они влияют на субъективные смыслы и мотивацию деятельности людей (Вебер, 1990).

Важный вклад в разработку теории ценностей внес В.А. Ядов, обративший внимание на возможность возникновения противоречия между ними и «реальным... поведением индивидов», что связано с «конкретными социальными условиями» (Лапин, 2009. С. 86, 87). В этническом ключе их исследовали Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан. Последний настаивал на выделении этнических образцов поведения, способных влиять на производственный процесс.

Имевший место в 1990-е гг. всплеск интереса к проблеме ценностей был обусловлен поиском новых ориентиров развития нашего общества. Он способствовал постановке вопроса об этнокультурной специфике России как основе для выстраивания ее модернизационной модели (Ахиезер, 1994). На рубеже веков ценностные ориентации населения и их соответствие задачам модернизации страны рассматривает В.М. Горшков (Горшков, 2010). В свою очередь, И.М. Кузнецов, изучая возможности применения западных концепций в исследовании социально-экономических ценностей россиян, приходит к выводу о том, что выделяемый Р. Инглхартом традиционализм не исключает

обозначаемую им на другом полюсе оси их измерения модернизацию (Кузнецов, 2017). Разрабатывая современные подходы к анализу трудовых ценностей, В.С. Магун и Н.И. Лапин раскрывают их региональные особенности: под руководством последнего раскрыт культурный потенциал 25 субъектов РФ, включая Башкортостан (Лапин, 2009).

Что касается собственно этнического аспекта проблематики, в отечественной науке его анализируют представители кросс-культурной психологии, заостряющие внимание на культурно обусловленной мотивации к труду (Н.М. Лебедева, Н. Латова, Ю. Латов), экономической антропологии, объясняющие влияние культуры на экономические отношения (А.А. Сусоколов), культурной антропологии, рассматривающие русскую трудовую культуру и ее связь с православной этикой (В.И. Верховин, Г.А. Гольц, А. Журавлев, И.В. Забаев), а также этнической социологии (Габдрахманова, 2010). Среди представляющих последнее направление исследований выделим опросы 1999 и 2011–2012 гг., проведенные под руководством Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2013). Они позволяют проследить эволюцию экономического сознания россиян, в том числе башкортостанцев. Р.М. Валиахметов, Н.М. Лавренюк, Г.Р. Баймурзина фокусируются на происходящих в республике процессах модернизации, в том числе в этническом разрезе.

Отдельные работы посвящены изучению степени значимости этнокультурного фактора в семейной жизни (Мартынова, 2014. С. 50). Применительно к народам Волго-Уралья ее рассматривали В.П. Иванов, П.П. Фокин, Г.А. Коринишина, И.Н. Смирнов, Л.С. Христюбова, включая интересующих нас русских (Е.П. Бусыгин, Е.В. Зорин, Л.И. Зорина) и татар (Р.Н. Мусина), в частности Башкортостана (Ф.А. Игебаева, Ф.Б. Бурханова).

Методология и методика: опорные точки

В современных исследованиях предлагаются методики измерения культурных аспектов ценностей. Среди их разработчиков выделим Г. Хофстеда с его концепцией параметрических измерений культуры (Hofstede, 2011), Р. Инглхарта (Inglehart, 2005), Г. Триандиса (Triandis, 1994), Ш. Шварца (Шварц, 2008). Опираясь на выдвинутые учеными показатели, мы переработали их с учетом специфики поставленной задачи. Мы также отказались от количественного их измерения, поскольку в нашем случае речь идет не о межстрановых различиях, а о некоторой сохраняющейся специфике этнокультур. В связи с чем метод глубинных интервью представлялся наиболее оптимальным.

Они проходили в семьях, что давало возможность сравнить два поколения, добиться доверительной ситуации общения и охватить большее количество человек¹. Основная доля семей – двухпоколенные, состоящие из родителей 40–60 лет и живущих с ними детей 16–30 лет², со средним уровнем дохода.

Обсуждения строились вокруг следующих тем:

- 1) биографические данные;
- 2) иерархия ценностей;
- 3) внутрисемейные взаимоотношения, авторитеты;
- 4) трудовые ценности;
- 5) оценка материального положения и действия по его улучшению, отношение к богатству;
- б) ориентации на будущее, планирование жизни.

Участникам предлагался удобный для них язык общения, в результате чего 7 интервью были проведены на татарском, остальные – на русском.

**«Я братишке своему... говорю: не потеряй доверие родителей»
vs «Мне проще самому для себя что-то решить и так и сделать»**

При ответе на вопрос, что важно в жизни для каждого интервьюируемого, и у русских, и у татар семья вышла на первое место. Рассуждая далее о богатстве, они часто называли ее (как и здоровье) в этом качестве. Труд как самостоятельная ценность был выделен лишь в одном интервью, хотя рассуждения о повседневных практиках строились вокруг тех или иных его аспектов.

Различия в дискурсе русских и татар³ касались содержательного наполнения семейных ценностей и их влияния на трудовой путь информантов. Выделяя значимость воспитания детей и здоровья членов семьи, русские в качестве самостоятельных ориентиров указывали также карьеру, друзей, саморазвитие, увлечения: *«Что приносит новые знания, оно мне будет заведомо интереснее всего остального. Потом уже... муж, семья»* (№ 5, рус., жен., 23 г., Уфа). Превалирующей частью татар работа, карьерное продвижение трактовались как условие достижения благополучия семьи: *«...чтобы мы могли... нормально одеваться... питаться... ребенка лечить...»* (№ 4, тат., муж., 53 г., Уфа). Трактую обозначенное в парадигме М. Вебера, можно определить

¹ Проведено 30 интервью: по 8 – в семьях русских и татар Уфы, по 7 – в селах Башкортостана. В каждом из них участвовали от двух до пяти человек.

² Хотя были представлены также неполные и молодые семьи.

³ Дискурс понимается здесь как речь в контексте, в частности, в контексте обозначаемой в беседе этнической самоидентификации интервьюируемых.

действия татар как целерациональные, продиктованные задачами поддержания семейства, а русских – как ценностно-рациональные («*Духовное богатство – это самое главное... если душа полна, то все остальное будет*») (№ 3, рус., муж., 40 л., Уфа)).

Русским характерно относительно слабое взаимодействие на уровне расширенной семьи. Для татар, напротив, родственные связи весьма важны («*Стараяешься поддерживать (отношения. – Прим. авт.) не только с близкими родственниками, но и троюродными*») (№ 3, тат., муж., 33 г., Уфа)). Предприниматели из их числа указывали на роль данных связей в создании бизнеса: «*В период становления с горлышка этого хозяйства мне помогали очень много мои родственники, племянники, братья*» (№ 5, тат., муж., 60 л., село). Некоторые татары отметили, что опираются в решении проблем, в том числе экономических, на выходцев из родного села.

В вопросах профессионального самоопределения многие татары склонны ориентироваться на мнение членов семьи: «*...тыңлылар инде. Менә кайда укырга керергә бит инде, нинди эшкә шулай сөйләшәбез инде... слушают уж* (говорит про детей. – Прим. авт.). *Куда поступать учиться, куда на работу пойти, обсуждаем вместе*» (№ 3, тат., жен., 46 л., село). Русские, особенно горожане, чаще указывали, что выбирали профессию сами: «*...никто не надоумил*» (№ 1, рус., муж., 59 л., Уфа).

В содержании семейных ценностей обнаружены и другие различия. У родителей-татар на первый план выходили рассуждения о формировании в детях дисциплинированности, послушности¹, следования четким моральным нормам: «*Эти-энинэ тынлылар эле... эчмилэр, тартмыйлар икесе дә, тьфу-тьфу / Папу-маму слушаются... не пьют, не курят оба, тьфу-тьфу*» (№ 7, тат., муж., 62 г., Уфа). Это не означает, что противоречия не встречаются в татарских семьях. Просто данная норма ожидаема, и об обратном не принято говорить. Неслучайно обозначенные характеристики обозначались порой как воспитание в татарских традициях. Представители молодых семей – успешные татары – нередко подчеркивали, что для них значимо сохранение подобных основ воспитания: «*Я бра-тишке своему... говорю: не потеряй доверие родителей... выпить там или покурить мне самому страшно*» (№ 5, тат., муж., 25 л., Уфа).

Татарами отмечалась важность решения хозяйственных задач для поддержания семьи: «*Для одной дочери дом построили. Стараяемся... поставить детей на ноги*» (№ 6, тат., муж., 50 л., село). В одной семье связанный с хозяйством труд был объявлен объединяющим началом: «*Для*

¹ Что обозначалось нередко словом *тэртипле*, с тат. – «воспитанный, дисциплинированный».

нас, наверно, самое главное – это почему-то труд» (№ 1, тат., жен., 29 л., село).

В дискурсе семьи у русских, особенно старшего поколения, преобладала тема сохранения душевных взаимоотношений: *«У всех было... чтобы дружно и комфортно»* (№ 6, рус., жен., 53 г., Уфа); *«Главное... чтоб дружба, мир, свет»* (№ 6, рус., жен., 59 л., село). При этом в их семьях (особенно горожан) детям предоставляется больше свободы. Молодые люди, прислушиваясь к мнению родителей, выстраивают собственные стратегии. Отдельные информанты позволяют себе критиковать их (чего мы не слышали от татар): *«Как-то не скажу, что мама моя – женщина глупая, но периодически у нее настолько фонтанирует идея, что реально невозможно даже иногда разговаривать с ней... Поэтому мне проще самому для себя что-то решить и так и сделать»* (№ 8, рус., муж., 21 г., Уфа).

Родители признавались, что с детьми у них может возникать недопонимание. И даже если некоторые русские (особенно сельчане) отмечали, что *«детки... маму с папой любят и уважают»* (№ 1, рус., жен., 47 л., село), послушание (как и сохранение традиций) не становилось у них главным лейтмотивом дискурса. За исключением редких примеров, не артикулировалась необходимость совместного решения хозяйственных вопросов.

Подтверждением ряда обозначенных тезисов становятся рассуждения интервьюируемых о качествах будущих избранников/избранниц. Для молодых татар важны не только их личностные характеристики: *«ответственность, честность»* (№ 4, тат., жен., 33 г., Уфа), *«целеустремленность, доброта и общительность»* (№ 2, тат., жен., 15 л., Уфа), но и особенно на селе почитание старших, следование этическим нормам: *«Зурлар белэн ул ничек сойлэшэ, эти-энилэре белэн ничек.... Туганнары белэн ничек сойлэшэ, алар белэн анда зур итэме, бэлэкэй итэме / Как он со взрослыми разговаривает, с родителями.... С родственниками как общается, уважает ли их»* (№ 2, тат., жен., 19 л., село). Родители ориентируют детей на значимость этих качеств и хозяйственности: *«Килен минеке, ботерелен йорсен шулай, иртэн торасын кичкэ хэтле... Кайтуларына ашарга пешерелергэ тиеш... олгерергэ тиеш барысын да / Моя сноха пусть крутится с утра до вечера... К их возвращению (мужа и детей. – Прим. авт.) должна приготовить поесть... Она должна успеть все сделать»* (№ 7, тат., жен., 60 л., Уфа). Практически все молодые татары отмечали, что познакомят маму и папу с будущим мужем/женой и что им важно их мнение: *«Я постараюсь, конечно, прислушиваться максимально к мнению родителей»* (№ 1, тат., жен., 29 л., село РБ).

Среди русской молодежи такого рода поведение больше свойственно сельчанам: *«Если надумаю, сам для себя решу. Потом, наверно, поставлю в известность и посоветуюсь»* (№ 1, рус., муж., 18 л., село РБ). Однако в целом они и в этом вопросе проявляли больше независимости. Некоторые заявляли о готовности пойти против мнения родителей:

– *Для начала посоветуюсь... Они посмотрят, скажут, хорошая или нет.*

– *А если они скажут не очень хорошая?*

– *Все равно женюсь, если мне понравится* (№ 3, рус., муж., 17 л., Уфа).

Родители указывали, что выбирать детям: *«...мое видение никакой роли, в принципе, не сыграет»* (№ 3, рус., муж., 54 г., село). Встречались случаи, когда дочери и сыновья ставили близких перед фактом брака. Молодые русские более независимы в брачных стратегиях.

Что касается видения идеальной пары, в абсолютном большинстве случаев русскими на первый план выдвигались личностные качества: *«честность, доброта, искренность»* (№ 3, рус., муж., 17 л., Уфа). Указывалось на важность наличия чувств, соответствия интересов: *«У меня творческая натура. Мне хочется, чтобы человек вдохновлял меня и не озадачивал... какими-то бытовыми проблемами»* (№ 1, рус., муж., 24 г., Уфа). Связанные с материальной стороной жизни характеристики ими упоминались ощутимо реже, в основном сельчанами (*«Чтоб ухаживала, чтоб хозяйственной была, дом поддерживала»* (№ 7, рус., жен., 51 г., село)).

«Кто в семье главный?»

Почти во всех полных семьях татар главным признавался муж/отец: *«С самого детства у нас так завелось, что папа... (хозяин. – Прим. авт.) Последнее слово за ним»* (№ 1, тат., жен., 29 л., село). И даже в случаях, когда жена-татарка занимает ведущие или равные позиции (*«Мама – это двигатель хозяйства нашего... Курирует... козоводство, овцеводство, дойную... птицеводство»* (№ 7, тат., муж., 26 л., село)), она старается не озвучивать это. Такое положение не умаляет значения женщины, а скорее выражает добровольное принятие ею предписываемой в традиционной татарской культуре роли. Молодежь нередко подчеркивала, что стремится воспроизвести эту модель (*«У нас сейчас как бы отражение»* (№ 5, тат., муж., 25 л., Уфа)).

Соответственно, и обязанности в их семьях чаще распределяются фиксированно. От хозяина семьи ждут принятия ответственности за ее благосостояние, он должен решать основные вопросы. Хозяйка обычно тоже работает, но получаемый ею доход не артикулируется как значимый.

По дому глава, как правило, выполняет работу, принятую считать мужской. На жену чаще возложены благоустройство дома, приготовление пищи, воспитание детей (в разделении обязанностей между ними обнаружено разграничение на мужские и женские). Это декларируется как правильное, должное: *«Безнен инде хэркемнен уз вазыйфасы бар... Хатынкыз бит инде кухняда булырга тиеш ул... Иртэ чыгып китэм мин... сэгать алтыда, кич кайтып керэсен / У нас у каждого есть свои обязанности. Женищина должна быть на кухне... Я с утра ухожу... (на работу. – Прим. авт.) в шесть часов вечера возвращаюсь»* (№ 7, тат., муж., 62 г., Уфа).

Отметим, однако, что на селе нескончаемые дела по хозяйству татары стараются делать вместе. Хотя имеется и распределение. *«Сено готовит... пчелами занимается... В сарай утром придет – у него кролики»*, – говорит жена про мужа (№ 1, тат., жен., 57 л., село). Сама она убирает дом, готовит пищу, ухаживает за огородом, доит корову и перерабатывает молоко (с последующей продажей). Работу татарки зачастую подбирают ближе к дому с удобным графиком: *«Для меня как для женищины, чтоб рабочий график был с полдевятого до полшестого. И суббота-воскресенье... выходные. Обязательно без командировок»* (№ 1, тат., жен., 52 г., Уфа).

У русских наблюдается несколько иная картина. Особенно в городе часто артикулировалось, что в доме нет главных: *«Нет такого, что я так сказал, так и будет»* (№ 4, рус., жен., 48 л., Уфа). Жены нередко подчеркивали, что финансы в доме распределяются ими. В селах взгляды русских на гендерные роли несколько отличались. Из уст мужей слышалось: *«Последнее слово... за мной будет»* (№ 4, рус., муж., 40 л., село). Хотя и здесь зачастую уточнялось: *«Все равно приходим к обоюдному мнению»* (№ 7, рус., жен., 51 г., село).

Что касается распределения обязанностей, русские-горожане в большинстве случаев указывали: *«Мы делаем все вместе»* (№ 4, рус., жен., 48 л., Уфа). И даже если оно есть, то не гендерное: *«Пищу готовлю я... Александр Михайлович наш (муж. – Прим. авт.) моет посуду, ходит за продуктами... Алексей... (сын. – Прим. авт.) может кушать приготовить... помыть посуду... обратиться может и продукты купить»* (№ 1, рус., жен., 59 л., Уфа). Сельские русские, как и татары, говорили, что работу по хозяйству стараются делать сообща. Однако мы не видели, чтобы они держали много скота, птицы, занимались пчеловодством. Их работы чаще сводились к ремонту и строительству жилья, надворных построек, уходу за огородом, уборке дома и приготовлению пищи.

Анализ дискурса отношений младших и старших детей показал, что у татар первые обычно слушаются вторых, а те несут ответственность за младших: *«Было еще такое правило: если младшие не сделали, тогда старший за всех отвечает»* (№ 2, тат., муж., 43 г., Уфа). Звучала мысль об особой миссии младшего сына *«...ухаживать за своими родителями, обеспечить им старость»* (№ 1, тат., муж., 58 л., Уфа). Татарам отмечалось, что все это идет от принятых норм (*«татарское – это уважение старших... традиции хорошие»* (№ 4, тат., муж., 53 г. Уфа)). О приверженности им, особенно сельчан, свидетельствуют традиционные обращения: *«Без өчебез бергә үстек инде. Ул теге кечерәк булгач, ана, ана дин йөри инде / Мы втроем росли. Поскольку он младший (брат. – Прим. авт.), называет нас “ана” (на тат. уважительное обозначение старшей сестры. – Прим. авт.)»* (№ 6, тат., жен., 27 л., село).

У городских русских четкой иерархии в отношениях старших и младших не обнаружилось. На селе, однако, дети нередко отмечали, что склонны равняться на мнение братьев/сестер. Интервьюируемая, рассуждая о будущем выборе супруга, отметила: *«Сначала, наверно, я обращусь к брату спросить... Он уже старше, женился. Он уже это прошел»* (№ 5, рус., жен., 16 л., село).

В определенной связи с семейными ценностями стоит и вопрос об авторитетах. Татары воспринимали его естественно. Главным примером для них оказались представители семьи: *«Я еще в детстве считал, что... отец герой... Отец до сих пор для меня остался примером во всем»* (№ 1, тат., муж., 25 л., Уфа). Они часто рассказывали истории о своих легендарных родственниках. Многие сельчане указывали учителей. И лишь отдельные молодые городские татары называли профессионалов, исторических личностей.

Русские (особенно молодые горожане) не только заявляли об отсутствии авторитетов, но и осуждали это: *«У нас, по-моему, нет этого поклонничества... У самих голова присутствует»* (№ 1, рус., муж., 24 г., Уфа). Последнее вновь свидетельствует об их большем стремлении к избеганию формализованных правил. Причем даже когда авторитеты назывались, ими часто указывались в таком качестве известные, социально значимые персоны: *«Плисецкая, Ирина Виннер, Галина Вишневская»* (№ 6, рус., жен., 53 г., Уфа). Менее категоричными в суждениях оказались русские-сельчане: *«Просто как воспитали... так и живу. На кого-то похожим не стараюсь быть»* (№ 1, рус., муж., 18 л., село). Среди тех, на кого могли бы равняться, они называли отцов/матерей, тестей, крестных.

Работа «чисто для души» и «Лучше синица в руке, чем журавль в небе»

В трудовой мотивации для татар, особенно мужчин, главным стимулом является нацеленность на материальное обеспечение семьи. *«Акча кирәк инде дәнъяны алып барырга... Эшләмиче булмый / Деньги нужны, чтобы вести хозяйство... Без работы нельзя»* (№ 3, тат., жен., 46 л., село). Распространена и безвозмездная помощь родственникам (часто неблизким) при строительстве домов и дворовых построек, поставка им продуктов из личных хозяйств. Трудовые практики у них осуществляются во благо расширенной семейной группы.

Среди русских также были те, для кого работа – *«это достижение средств для семьи»* (№ 2, рус., муж., 51 г., Уфа). Одновременно в их дискурсе частыми были рассуждения об идейных смыслах труда, его общественной значимости. Многие заверяли, что их работа – *«это большая помощь и городу, и республике, и стране в целом, даже человечеству»* (№ 3, рус., жен., 40 л., Уфа). Некоторые отмечали, что *«материальное как раз вторично»* и что им важно *«стать частью корпорации, частью истории, которую они творят»* (№ 5, рус., жен., 23 г., Уфа).

В то же время и русским, и татарам, особенно представителям старшего поколения, оказался свойственным акцент на процессуальной стороне работы – установка трудиться *«не только ради денег»* (№ 6, рус., жен., 24 г., село), а *«чисто для души»* (№ 1, тат., муж., 58 л., Уфа). В этом, несомненно, влияние ценностей советской этики труда, сохраняющейся даже среди предпринимателей: *«Не стремился к особой прибыли... Просто была бы работа, которая мне нравилась»* (№ 2, тат., муж., 43 г., Уфа).

Еще одним наследием советской эпохи можно считать установку на коммуникацию, общение в процессе труда: *«Приоритет... коллектив»* (№ 1, тат., жен., 29 л., село); *«Если аура хорошая, то, естественно, будет и работа ладиться»* (№ 5, рус., жен., 46 л., село). И русские, и татары подчеркивали социальную ответственность за выполняемую работу: *«Мне вверило государство наше территорию, мы очень сильно отвечаем за это дело»* (№ 1, тат., муж., 30 л., село). В то же время у молодежи – как русской, так и татарской – на первый план нередко выходили достигательные аспекты труда (*«Я не должен стоять на одном месте»* (№ 1, тат., муж., 25 л., Уфа)), его материальная сторона (*«Чем выше заработок, тем профессия лучше»* (№ 7, рус., муж., 21 г., Уфа)). И это уже скорее влияние трендов последних десятилетий.

Избираемые татарами и русскими тактики трудового и экономического поведения обнаружили как черты сходства, так и различия. Русские информанты не сообщали о дополнительных работах и источниках дохода. Замечена большая их ориентация на достижение целей и получение материальных дивидендов от основной профессии. В случае успеха такая концентрация усилий может, на наш взгляд, привести к наибольшей отдаче. Однако при возникновении неудач это может проецироваться на жизнь в целом. Неслучайно некоторые интервьюируемые жаловались, что чувствуют неудовлетворенность: *«Я живу, и мне некомфортно жить. Я может быть чего-то большего хотел, а я этого не имею»* (№ 1, рус., муж., 24 г., Уфа). Другие, прежде всего сельчане, соглашались с ситуацией: *«Нечего менять. Все уже что есть»* (№ 1, рус., муж., 49 л., село).

Татары, особенно сельчане, старались не сетовать на жизнь: *«Живем не хуже всех, в принципе. В некоторых аспектах даже довольно-таки хорошо»* (№ 1, тат., жен., 57 л., село). Они оказались больше ориентированными на дополнительные доходы от занятий пчеловодством, скотоводством, переработки продукции из личного хозяйства (*«Постоянно нужно работать. Делать, делать, делать надо»* (№ 1, тат., жен., 57 л., село)). Были среди них и те, кто имеет двойную занятость. Они объясняли это тем, что *«...бер зарплата гына алып ятасы килми, күбрәк аласы килә инде, күбрәк зарабатывать итәсе килә / ...не хочется жить на одну зарплату, больше хочется получать, больше зарабатывать»* (№ 6, тат., муж., 22 г., село). При обстоятельствах, когда затруднено выстраивание долгосрочных стратегий, подобная тактика достаточно эффективна. Хотя ориентация русских на самоактуализацию может давать наибольшие эффекты в отличных от «выживания» ситуациях.

Несмотря на значимость для татар материальной мотивации труда, для них, как и для русских, оказалась характерными боязнь и даже осуждение сверхбогатства. Многие категорично заявляли, что *«это лишняя головная боль»* (№ 1, тат., жен., 29 л., село). Часто звучало утверждение, что богатые люди несчастливы. Мало кто из интервьюируемых изъявлял готовность и знание того, как можно распорядиться большими материальными ресурсами.

Основная часть рассуждений о богатстве строилась вокруг того, как оно будет потрачено на удовлетворение желаний: *«Чтоб хорошие условия жизни, здоровое питание булсын (с тат. – «было». – Прим. авт.) постоянно»* (№ 4, тат., жен., 47 л., село); *«...если есть на поездку, если есть на жизнь, если есть одеться, обуться»* (№ 6, рус., муж., 58 л., Уфа). Лишь единицы размышляли о вложениях, приносящих прибыль.

Информанты выражали неготовность начать предпринимательскую деятельность и взять на себя связанные с этим риски («*Стабильностьны яратабыз без... Спокойно яшисе килә / Мы любим стабильность... Спокойно жить хочется*» (№ 4, тат., муж., 49 л., село); «*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*» (№ 3, рус., муж., 54 г., село). И причины этого, по-видимому, не только в особенностях культур исследуемых этнических групп. Непредсказуемость экономической ситуации, непрозрачность условий для развития бизнеса, в том числе малого, недостаточность инвестирования в него являются предпосылками низкого интереса к рыночным институтам. Среди русских звучали и разъяснения о «неправильности» прибыли с точки зрения православной этики: «*Если это вредит... я этого делать не собираюсь*» (№ 1, рус., муж., 24 г., село).

К числу факторов, препятствующих развитию предпринимательства, модернизации в целом, можно отнести и неумение строить стратегические планы. Лишь отдельные информанты признавались, что знают, чем будут заниматься через год-два. Краткосрочное планирование при этом оказалось несколько больше свойственным татарам: «*Без этого просто ты пробегаешь... обязательно надо все выстраивать*» (№ 7, тат., муж., 26 л., село). Отметим, что даже у тех интервьюируемых, кому свойственны достижительные установки на будущее, они обычно ограничиваются сферой их нынешней трудовой деятельности: «*Главное – продолжать делать то, что делаешь сейчас, направление чтобы было*» (№ 3, рус., муж., 24 г., село); «*Мы своим делом заняты. Мы тут и пытаемся что-то поменять*» (№ 1, тат., муж., 30 л., село).

Заключение

Проведенные интервью обнаружили сходства и различия ценностей и повседневных практик русских и татар Башкортостана в фокусе модернизации:

1. Исследование выявило особую роль семьи для татар. Она не только выступает ведущей в системе ценностей. Групповые семейные и шире родственные связи определяют многие другие стороны их жизнедеятельности. В трудовой сфере это проявляется в том, что семья становится для них важным адаптивным и поддерживающим институтом. У них меньше поколенческих различий, воспроизводятся семейные традиции, нормы. Это помогает легче преодолевать кризисные моменты социально-экономического развития общества.

У русских семья также занимает приоритетное место в ценностной иерархии. Однако отдельное и самостоятельное значение имеют саморазвитие, карьера, дружеские привязанности, увлечения. В трудовых практи-

ках это сказывается в большей значимости самоактуализации. И семья лишь отчасти выступает для них механизмом социально-экономической адаптации. Имеют место и различия в матрице ценностей представителей разных поколений.

2. Семейные отношения и система воспитания у татар строятся на относительно четко закрепленных нормах. У них более очевидно разграничение статусов мужа и жены, а решение хозяйственных задач понимается как основа единства семьи. У русских внутрисемейные статусы менее регламентированы. Нет четкого разделения ролей мужчины и женщины. Взаимоотношения больше выстраиваются вокруг ценностей добра и взаимопонимания.

Можно увидеть связь отмеченного большего значения для татар хозяйственной деятельности с их тяготением к предпринимательству. Однако высокий уровень избегания неопределенности, по-видимому, рождает склонность заниматься лишь малыми видами бизнеса. У русских в связи со стремлением к самоактуализации можно прогнозировать интерес к более крупным социально-экономическим проектам и способность при относительно благоприятных условиях ставить и решать более масштабные задачи.

Литература

Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994.

Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурные ресурсы экономического развития. Казань: Казанский ун-т, 2010.

Горшков В.М. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 28–41.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Л.М. Дробизева (ред.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

Дробизева Л.М. Ресурс межэтнического согласия в Москве. М.: Ин-т социологии РАН, 2014. Режим доступа: [http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2(1).pdf).

Кузнецов И.М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности рос-

References

Akhiezer, A.S., Kozlova, N.N., Matveeva, S.Ia. (1994). Modernization in Russia and conflict of values. M.: Izd-vo IF RAN.

Veber, M. (1990). Selected works. Trans. from German. Iu.N. Davydova (Ed.). M.: Progress.

Gabdrakhmanova, G.F. (2010). Ethno-cultural resources of economic development: Kazanskii universitet.

Gorshkov, V.M. (2010). Social factors of modernization of the Russian society from positions of sociological science. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 12, 28-41. (in Russian).

The civil, ethnic and regional identities: yesterday, today and tomorrow (2013). L.M. Drobizheva (Ed.). M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.

Drobizheva, L.M. (2014). A resource of interethnic consent in Moscow. M.: Institut sotsiologii RAN. Available at: [http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2(1).pdf).

Kuznetsov, I.M. (2017). The value markers of Russians' cultural and historical

сиян // Вестник Института социологии. 2017. № 22. С. 12–31.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Л. Харрисон, С. Хантингтон (ред.). М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Лапин Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 3. С. 82–93.

Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47–62.

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева (ред.). М.: Academia, 2009.

Семья и этничность в Литве / М.Ю. Мартынова, М.Я. Устинова (ред.). М.: ИЭА РАН, 2014.

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 2. С. 37–67.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 3–56.

Hofstede G. Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context // Online readings in psychology and culture. 2011. Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change and democracy. The human development sequence. New York: Cambridge University Press, 2005.

Triandis H.C. Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill, 1994.

identity. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 22, 12–31. (in Russian).

Culture matters. How values contribute to social progress (2002). L. Harrison, S. Huntington (eds.). M: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy.

Lapin, N.I. (2009). Studies of values conducted by Vladimir Yadov and his colleagues. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 10, 3, 82–93. (in Russian).

Magun, V.S. (1996). Labor values of the Russian population. *Voprosy ekonomiki*, 1, 47–62. (in Russian).

Regions in Russia: socio-cultural portraits of the regions in the All-Russian Context (2009). N.I. Lapin, L.A. Belyaeva (Eds.). M.: Academia.

Family and ethnicity in Lithuania (2014). M.Iu. Martynova, M.Ia. Ustinova (Eds.). M: IEA RAN.

Schwartz, Sh. (2008). Cultural value orientations: nature & implications of national differences. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 5, 2, 37–67. (in Russian).

Shkaratan, O.I., Karacharovskii, V.V. (2002). Russian labor and management culture. *Mir Rossii*, 1, 3–56. (in Russian).

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*. Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

Inglehart, R., Welzel, C. (2005). Modernization, cultural change and democracy. The human development sequence. New York: Cambridge University Press.

Triandis, H.C. (1994). Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill.

Поступила в редакцию

9 августа 2019 г.